

Ева Адамова

НИКТО кроме
МЕНЯ

18+

Ева Адамова

Никто, кроме меня

«Автор»

2026

Адамова Е.

Никто, кроме меня / Е. Адамова — «Автор», 2026

На долю молодой девушки выпали огромные испытания и потери, и всё, что у неё осталось, — это её маленькая племянница, которую она очень любит и не представляет жизни без неё. После одного происшествия выясняется, что она ей никто. Теперь ей предстоит пройти ещё не одно испытание, чтобы не потерять малышку.

© Адамова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ева Адамова

Никто, кроме меня

Глава

Весна. Моё любимое время года. Снег сошёл, на улице довольно тепло, повсюду появились маленькие листочки и зелёная трава. Весна — это начало новой жизни, когда всё вокруг просыпается и цветёт. Но не в этом году и не этой весной.

Мы стоим с сестрой возле гроба нашей мамы. У меня больше нет слёз, всё выплакано, и я не плачу. Сестра тоже держится из последних сил и не плачет. Это наши вторые похороны за двенадцать дней. Мама боролась с онкологией и была на пути к победе, но судьба не дала ей шанса прожить свою жизнь. Муж моей сестры повёз её на очередной приём к врачу, но они не доехали из-за лихача; мы потеряли половину нашей семьи. Руслан, муж сестры, погиб на месте, а мама — спустя девять дней, так и не придя в сознание.

Мамочка... Она так боролась за жизнь, прошла через боль, страх и отчаяние. Но всегда была на позитиве и не позволяла никому думать о плохом исходе её болезни. Она верила, что всё будет хорошо, и не сдавалась. Своей уверенностью она внушила и нам, что всё у неё закончится благополучно и она победит. Я помню, как однажды застала её на кухне, когда все спали; она тихо плакала. Я поняла, что она делала это, когда никто не видит, чтобы не тревожить нас лишний раз. Тогда я не смогла уснуть — всё время думала о ней, представляя, через что ей приходится проходить и как ей страшно. А когда мама сказала, что в ремиссии, — это была самая радостная и долгожданная новость для всех нас. Она была невероятно доброй и весёлой, всех жалела и любила, никогда не произносила ни одного злого слова, даже про тех, кто ей был неприятен.

Мы остались вдвоём — я и старшая сестра. Через два месяца она должна была родить долгожданного малыша. Было больно осознавать, что Руслан и мама никогда не увидят ребёнка, которого они так ждали.

Мама начала вязать плед для крошки — очень красивый, с мишками, — но не успела его закончить. Он навсегда останется горьким напоминанием о хрупкости жизни. Руслан чуть ли не на руках носил свою жену, ведь он был счастлив, что скоро станет папой.

У нас была замечательная семья. И вот всё это рухнуло, разбилось на бесчисленные осколки, которые никогда не собрать и не склеить. Это горе было таким тяжёлым, что казалось — невозможно пережить. Хочется закрыть глаза и проснуться, осознавая, что это всего лишь страшный сон, прижаться к маме, чтобы она успокоила, а потом улыбнётся и скажет, что это всего лишь сон и его не стоит бояться. Но этого больше не будет.

Мне было четырнадцать лет, а сестре — двадцать четыре года. Отец у нас был, но у него давно была другая семья; он ушёл от нас после моего рождения и жил в другом городе. Он никогда не возьмёт меня, даже на эти четыре года. Отношения у нас с ним были не очень хорошими, а точнее, практически отсутствовали. Мы иногда созванивались с ним, но он даже не помнил, когда у меня день рождения. В последний наш разговор он спросил у меня, сколько мне лет, и сильно удивился, что я уже такая большая; было обидно и неприятно. На похороны мамы он не приехал, хотя обещал, и даже не перевёл нам деньги, которые тоже обещал. Не хотела его больше видеть и слышать, ведь он был мне чужой. Я видела его последний раз на первое сентября, когда он приехал, чтобы проводить меня в первый класс, и подарил мне цветы. Это было единственное, что он мне подарил.

— Машуль, не отдавай меня в детский дом, пожалуйста. Я не хочу туда, я хочу остаться дома. Я буду помогать тебе во всём и слушаться. Я даю тебе честное слово, пожалуйста, не отдавай меня туда, — сказала я сестре, когда мы остались с ней вдвоём возле маминой могилы.

— Сонечка, ты что? Ты же моя родная, девочка моя. Не отдам. Никому и никогда, даже не думай об этом, — Маша обняла меня, и мы с ней расплакались.

С кладбища мы уходили в пустую квартиру, туда, где нас больше никто не ждал. Хорошо, что скоро летние каникулы; нужно было доучиться ещё это время, но как это сделать теперь, когда в нашей семье такое горе и моя судьба ещё не решилась? Я очень боялась, что меня заберут в детский дом.

Я шла по красивому саду; всё вокруг цвело и вкусно пахло. Это были вишни. Красивые кованые лавочки, розы везде и шиповник. Я видела вдали того, к кому я шла. Красивый мужчина в синем костюме и галстуке.

Он был потрясающий, большой и сильный. Я подошла к нему, а он подхватил меня на руки и поцеловал. Его губы были нежными и тёплыми, а руки сильными.

— Сонь! Вставай, давай! Отведи Лизку в садик! — Маша? Откуда она появилась? Ведь её не было рядом.

— Соня! Соня засоня! — это уже говорила Лиза. И я понимала, что я сплю и это всего лишь сон. Обломали меня.

У Маши родилась дочка. Роды оказались тяжёлым испытанием: ей сделали экстренное кесарево сечение, и несколько дней она провела в реанимации. Я так боялась, что и её я тоже потеряю, молилась каждый день и в отчаянье просила помощи у мамы и Руслана. Слава Богу, всё обошлось, и через две недели они были дома — моя сестрёнка и маленькое чудо.

— И как назовём? — спросила я сестру, когда они с малышкой были уже дома.

— Я думала над этим. Может, в честь нашей мамы? Елизавета, — улыбаясь, сказала сестра.

— Елизавета. Мне очень нравится. Елизавета Руслановна, — теперь нас было трое. Женское царство.

Так мы жили уже четыре года. Сестра оформила опеку надо мной и тянула меня в счастливую жизнь. Я помогала ей во всём — это была моя благодарность за то, что она не оставила меня и моё обещание, что буду помогать во всём. Я очень любила свою племянницу, так же сильно, как и сестрёнку.

Я отучилась и работала администратором в детском оздоровительном бассейне; он был расположен рядом с домом, и меня всё устраивало. Сестра тоже работала: она была юристом в крупной компании. Денег у нас хватало, благодаря ей. Она была моим всем — любовью, поддержкой и опорой. Она заменила мне маму. Мы нашли новый жизненный ритм и шли вперёд, благодарные за прошлое и верящие в лучшее будущее, которое точно будет.

— Встаю, — простонала я. — Такой сон обломался. Мужчина моей мечты. Красивый, высокий, сильный, да ещё и при деньгах. А какой у него сад был... ммм... — мечтательно пересказала ей сон.

— Ну, прости, ночью досмотришь! Прискачет к тебе снова твой принц. Слишком много романов читаешь; пора уже спуститься на землю и искать хорошего парня, а не ждать принца с тугим кошельком, — улыбаясь, сказала Маша.

— Ой, Машуля. Подожду я всё-таки принца; мне он больше подходит! Понравился мне очень его вишнёвый сад, — также улыбаясь, ответила я.

Сегодня у неё был очень важный день, и она попросила меня отвезти Лизочку в сад. У меня был выходной, и я совсем не была против — забота о нашей Лизе лежала на нас пополам. Я очень любила эту малышку: она была у нас очаровашкой, смыслёной и спокойной. С самого её рождения я привязалась к ней и просто не представляла жизни без неё.

Я смотрела, как сестра собирается, и восхищалась ею. Такая она была красивая и лучезарная. И почему она всё ещё была одна? Давно уже пора было начать встречаться с кем-нибудь.

— Почему ты ни с кем не встречаешься? Только не говори, что никто не обращает на тебя внимание. Это неправда, — спросила я.

— Да как-то нет никого. Нет того, на кого можно обратить внимание. А ты почему ни с кем не встречаешься? Красивая девушка, не глупая, скромная. Чего им ещё надо, этим принципам? — спросила Маша.

— Успею ещё, и тоже нет никого подходящего.

— А как же Артём? — это она про моего одноклассника, с которым я иногда ходила гулять.

— Он не подходит мне. Мягкий, скучный, и немного жадный, и совсем не мой типаж. Да и лет мне совсем немного, куда торопиться?

— Я в девятнадцать лет уже замужем была. И если бы Руслан не погиб, то прожила бы с ним счастливо до самой старости. Наверное, он был моей второй половинкой, единственной. Другой уже не существует.

Маша только год назад начала постепенно успокаиваться после тяжёлого периода в своей жизни. Всё это время она сильно страдала, и даже вещи Руслана оставались нетронутыми, лежа в шкафу. Однако год назад она решила избавиться от большей части его вещей, оставив себе лишь несколько дорогих сердцу предметов. Среди них были рубашки и футболки, которые она иногда носила сама, находя в этом успокоение. Для неё это было как будто Руслан обнимает её, как будто он снова рядом с ней. В такие моменты мне было особенно тяжело, поскольку я не могла ничем ей помочь. Поэтому я очень хотела, чтобы рядом с ней появился достойный мужчина, который смог бы поддержать её.

Мне так тяжело в эти моменты, ведь я не смогу ей помочь ничем, и поэтому очень хочу, чтобы рядом с ней был достойный мужчина. Конечно, Руслана он не заменит, он был такой один. Руслан был действительно уникальным человеком. Он сумел вырваться из очень трудной жизненной ситуации, где его отец-алкоголик создавал невыносимые условия, нигде не работал и таскал домой помойных дам. Несмотря на всё это, Руслан смог не только выжить, но и добиться успеха. Его целеустремлённость была невероятной, и я не сомневаюсь, что он смог бы достичь ещё большего. Для меня и Маши он был очень важен, а мне он к тому же замещал отца.

После того как мы проводили Машу, мы стали собираться в садик. Глядя на Лизу, я не могла не задуматься о том, на кого она похожа. У неё были тёмные, почти чёрные волосы и очень тёмные глаза. Это было удивительно, поскольку ни у меня, ни у Маши, ни у Руслана не было таких черт. У меня глаза серые, у Маши и Руслана голубые, а волосы у всех нас были русые. Маша всегда говорила, что Лиза, возможно, пошла в нашего дедушку, у которого были тёмные волосы. Я его не помню, поскольку мне было всего три года, когда он умер. Но, глядя на Лизу, я видела, что в ней нет ничего от нас — или я просто этого не замечала. Как бы то ни было, она была очень красивой, настоящей куколкой с розовыми щёчками.

Сегодня у меня всё падает из рук. Я даже хвостики Лизе сделала кое-как. Какая-то тревога была и волнение.

До садика мы дошли довольно быстро, сегодня Лиза какая-то тихая. Обычно по пути мы собираем все качели и горки, а сегодня пришли на много раньше, чем обычно.

— Ну, всё, кукушонок! Вечером тебя заберу! — поцеловала в щёчку нашу принцессу.

— А мама не придёт? — спросила она, очень расстроенным голосом.

— У мамы много работы, не успеет. У неё сегодня важный день. Но мы с тобой приготовим ужин к её приходу, ты ведь мне поможешь? — ответила я с улыбкой. Однако сама я никак не могла успокоиться — меня одолевали плохие предчувствия.

Наконец, собравшись с мыслями, я запустила её в группу. Постояв немного, я направилась домой. Там я выпила чай с мятой, и мне стало легче. Включив свою любимую музыку, я начала убираться в квартире. Планировала убрать всё, потом поваляться в ванне, отдохнуть и пойти за Лизой, а затем приготовить ужин к приходу Маши.

Однако я даже не успела ничего начать, как раздался телефонный звонок. Звонила Маша.

— Машуль, что-то забыла? — сразу спросила я.

— Добрый день, — мне ответил мужчина.

— Кто это? — спросила я.

— Кем вы приходитеесь Марии Михайловне Лариной?

— Сестрой, — ком в горле мешал говорить.

Так я узнала, что Маша попала в аварию на такси по дороге на работу, я сразу же поспешила в больницу, куда её доставили. Прошло всего двадцать минут, прежде чем я оказалась возле больницы.

В приёмном отделении я была охвачена паникой и начала спрашивать о сестре, но мне не дали никакой информации, посоветовав просто ждать, так как данные о ней ещё не поступили.

Я прождала около часа, и напряжение нарастало с каждой минутой. Наконец, я увидела врача, который подошёл к регистратуре, и ему указали на меня. В тот же момент моё сердце начало биться беспокойно, в ушах зазвенело, и я почувствовала, как мои руки и ноги стали ватными. Я чувствовала, как рыдание подступает к горлу и вот-вот вырвется наружу.

— Вы родственница Лариной Марии Михайловны?

Я даже ответить не смогла, как и подняться на ноги, так и сидела молча, кивая.

— Примите наши соболезнования. Мария Михайловна скончалась. — И он сжал моё плечо.

— Что? Этого не может быть! Как? — хрипло спросила я. А ведь где-то в глубине души я уже знала, что именно это он мне и скажет.

— Я не особо осведомлён, но по нашей информации произошло ДТП, и вашу сестру привезли уже без признаков жизни. Мне очень жаль.

Дальше я ничего не помню. Как в тумане. Крики помню и укол.

Морг, полиция... ритуальные услуги, звонки от сотрудников сестры с её работы. Я даже отцу позвонила, не знаю, зачем я это сделала, ведь мы совсем не общались с похорон мамы.

— Маша умерла, — сказала я ему, как только он ответил.

— Кто это? — недовольно и резко спросил он. И тут меня прорвало.

— Та, которая родилась благодаря твоему семени. Та, которую ты бросил и не вспоминал все эти годы. Ты же в курсе, что уже пять лет ты дедушка? Так вот, вспоминай, что у тебя были две дочери. Были. Теперь не осталось ни одной. Одна умерла, а вторая знать тебя больше не хочет, — и я бросила трубку.

Ненавижу его. Ненавижу! Я всех сейчас ненавижу. Виновника аварии, водителя такси, врачей, что не смогли спасти мою сестрёнку... Машу я тоже ненавижу, что посмела оставить меня одну... Ненавижу их всех!

Как мне жить без неё, что мне делать с Лизой?

Я не знала куда себя деть, мне было ужасно невыносимо жить дальше, пока Лизы не было дома я выла в подушку. Я просто убита горем.

Похороны моей любимой сестры прошли как в тумане. Народу было много, коллеги с её работы, друзья. Все расходы взял на себя работодатель сестры. Я ему очень благодарна за это. В ресторан на поминки я не пошла. Просто не было сил.

Эта мысль наполняет меня тревогой и паникой. Как мне подойти к этому разговору? Что сказать, чтобы смягчить удар? И самое главное, как мне быть дальше, зная, что Лиза теперь полностью зависит от меня? В нашей семье не будет никакого в детском доме. Я сделаю всё, чтобы она осталась со мной, я её не отдам.

Я сидела в пустой квартире, погруженная в пустоту. Мысли разбегались, а часы неумолимо отсчитывали время до момента, когда мне нужно будет забрать Лизу из детского сада и начать этот трудный разговор. Она каждый день спрашивает о маме, о том, где она и почему не приходит. Я улыбаюсь и выдумываю всякую чушь, лишь бы успокоить её, но скоро мне придётся сказать правду.

Год, прошедший с того момента, пролетел незаметно. Я не хочу вспоминать о нём, о всех трудностях, которые нам пришлось пережить. Только Бог знает, чего мне стоило оставить Лизу у себя. Слезы, нервы, переживания – всё это было. Лиза долго привыкала к тому, что мамы больше нет. Когда она заходила в их комнату и ложилась на кровать своей любимой мамочки, у меня разрывалось сердце. Это была душераздирающая картина, и я плакала по ночам, чтобы Лиза не видела моих слёз.

Я продолжаю работать, но пришлось сменить график, чтобы выходные были свободны. Мне пошли навстречу, и я благодарна за это. В следующем году Лизе предстоит пойти в первый класс. Моя маленькая Лизонька, осиротевшая крошка, такая же, как и я, – мы вместе пройдем через всё.

— Ну, что, кукушонок, куда пойдём? На площадку или домой? — спросила я у Лизы, как только мы вышли из детского сада.

— А давай в магазин сходим? И купим мне большое мороженое! — сказала маленькая сладкоежка. — А давай! — я стараюсь баловать её, чтобы она не чувствовала себя обделённой, чтобы у неё было всё, что и у других детишек.

Мы подошли с Лизой к дороге и стали ждать зелёный свет светофора. Не понятно откуда, на нас внезапно вылетели две машины под оглушающий грохот. Я только и успела прижать к себе Лизу и развернуть её от несущейся машины. Удар, боль, шок, страх и темнота накрыли меня.

Я открыла глаза и не сразу поняла, что происходит и где я. Казалось, что я просто спала и меня резко разбудили. Голова болит, и я очень неудобно лежу. Надо мной склонились люди. Я потеряла сознание? А где Лиза?

— Лиза, — тихо позвала я, хотя хотела громко крикнуть, но голос не слушался меня. Во рту был вкус крови.

— С девочкой всё хорошо, несколько царапин. Сейчас скорая приедет, потерпи, — сказала мне какая-то женщина.

Скорая? Ко мне? Ничего не понимаю. Где Лиза?

— Лиза, — снова позвала я.

— Приведите дочку её, пусть убедится, что всё хорошо, — сказала другая женщина.

— Соня! Соня! — раздался голосок плачущей Лизы. — Она умрёт? — спросила она у кого-то. Я точно не умру. Не оставлю её, не оставлю.

— Лиза, Лизонька, со мной всё хорошо, не плачь. Просто ударилась, — успокоила я свою крошку.

Это какой-то рок, проклятье. Вся наша семья гибнет в ДТП. Мне нельзя умирать, у меня Лиза. Я дала себе установку, что должна жить.

Следующее моё пробуждение было в палате. Это точно она.

— Сейчас позову врача, — сказал какой-то мужчина, вероятно, медбрат.

Пришёл врач и стал осматривать меня, светя фонариком в глаза.

— Где Лиза? Девочка, которая была со мной? — спросила я.

— С ней всё хорошо. Ей дали успокоительное, и она спит. Ничего серьёзного у неё нет, небольшие царапины; она больше за вас испугалась, — объяснила мне женщина-врач.

— Мне нужно домой. Я сейчас её заберу, и мы поедem.

— Какая вы быстрая, София Михайловна! Эту ночь нужно провести здесь, под присмотром и наблюдением. Травма мозга — очень коварная штука, — сказала она.

— С Лизой всё хорошо? Её жизни ничего не угрожает? — ещё раз спросила я.

— Ничего не угрожает. Она не пострадала, — улыбаясь, ответил врач.

— Тогда мы едем домой. Я подпишу всё, что нужно, и уеду, — я не собиралась оставаться здесь. Ассоциации у меня ужасные с больницей. Не хочу.

— Не глупите. У вас серьёзная травма; до утра уж как-нибудь потерпите, — вмешался мужчина, который находился со мной в палате.

— А вы кто? — спросила я.

— Я тот, по чьей вине вы здесь. Это моя машина наехала на вас, а до этого в меня врезался пьяный урод; я не мог контролировать ситуацию. Где мама девочки? Она сказала, что мама на небе. Это так? Она умерла?

— Да.

— А отец? Отец имеется?

— Нет. Он тоже погиб.

— А кроме отца и матери? Бабушки, дедушки? Тёти, дяди? — что пристал ко мне?

— У неё есть я. Я её тётя. Она моя. Больше никого нет. Только я и она, — раздражённо ответила я.

Он немного помолчал, прежде чем произнести:

— Понятно. Советую вам остаться на ночь, да и девочка проспит до утра, — после чего встал и ушёл.

Возможно, он был прав. У меня действительно не было сил.

— А мне можно увидеть племянницу? — обратилась я к врачу.

Убедившись, что с Лизой всё в порядке, я решила последовать совету и остаться на ночь. Мне было трудно передвигаться: голова кружилась, и сил совсем не было, боль прошла и это уже хорошо.

Когда мы вернулись домой, я наконец осознала, что с нами произошло. Я могла потерять Лизу. Я могла умереть сама. Если бы с ней что-нибудь случилось, я точно не пережила бы это. Я не стала бы жить дальше. Теперь мой самый большой страх — потерять Лизоньку. Я держусь за эту крошку, как за спасательный круг, и только благодаря ей я всё ещё на плаву и у меня есть цель: вырастить её, и чтобы она никогда не была никому не нужной. Я очень боюсь потерять её и очень боюсь оставить её одну в этом мире.

Наша жизнь постепенно вернулась в своё русло. Для Лизы всё произошедшее было чем-то вроде приключения; в силу своего возраста она не осознавала, что наша жизнь висела на волоске и что ещё чуть-чуть — и нас с ней, скорее всего, уже не было бы на этом свете. Меня точно. Весь удар я приняла на себя, заслоняя и спасая свою драгоценность.

У меня был выходной, и я готовила ужин, когда раздался звонок в дверь. Интересно, кто это мог быть? Я вообще никого не ждала. Посмотрев в глазок, я увидела мужчину, который нас с Лизой сбил на машине.

— Добрый день, — открыв дверь, я поздоровалась с ним.

— Добрый. Я могу войти? У меня к вам очень длинный и серьёзный разговор, — сказал он.

Конечно, я егопустила, подумав, что нужно уладить какие-то формальности, связанные с ДТП.

— Проходите на кухню. Чай, кофе? — предложила я.

— Нет, спасибо, — он сел на стул и стал пристально меня разглядывать.

— Вы сказали, что у вас ко мне разговор, — напомнила я ему, поскольку его взгляд мне не понравился.

— Да. Я приехал, чтобы забрать Лизу, — заявил он, ошарашив меня.

— Что значит забрать Лизу? — переспросила я, не понимая, о чём он говорит.

— Она моя дочь.

— Так. Знаете что? Идите. Идите, пока я полицию не вызвала, — я взяла в руки телефон и направилась в коридор, на всякий случай открыв замок на входной двери. Почему-то мне показалось, что он пришёл с нехорошими намерениями. Какой-то псих.

— У меня есть документы. Я сделал тест ДНК, и он подтвердил моё родство с Лизой. Она моя дочь, — снова сказал он.

— Она дочь моей сестры и её мужа. Я вообще вижу вас впервые. И если бы Мария изменяла своему мужу, я бы точно об этом знала. Лизу я вам не отдам, даже не надейтесь. И если вы сейчас не уйдёте, я на вас вызову полицию, — у меня руки даже затряслись от страха. Что ему нужно?

— Вот документы, — и он достал из папки какие-то листы. — Я сейчас всё объясню. Садитесь, разговор будет долгим.

— Что-то я сомневаюсь, что вы в себе, — сказала я.

— В себе. Это только кажется, что я говорю какой-то бред. А на самом деле это ужасное стечение обстоятельств. Моя жена и ваша сестра рожали в один день. У моей жены была неизлечимая болезнь, которую обнаружили только на последних месяцах беременности, и она наотрез отказалась прервать её и начать лечение, которое могло продлить ей жизнь. Для неё даже была разработана специальная схема лечения для продления жизни после родов. Но у судьбы были свои планы. У неё отошли воды раньше срока — на две недели. По скорой её отвезли в роддом, и там появилась на свет моя дочь, а жена умерла. У вашей сестры тоже были тяжёлые роды, и её ребёнок погиб. Я не знаю, как так получилось, что детей перепутали. Я в этом ещё разберусь и накажу виновных, — я не могла больше этого слушать.

— Вы несёте какую-то чушь. Давайте мы просто забудем нашу с вами беседу; я не буду на вас писать заявление, а вы больше не будете приходить ко мне со странными рассказами, — довольно грубо сказала я.

— Я знал, что так будет, и поэтому сейчас придут из органов опеки и мой адвокат. Хотел с вами поговорить до их появления. Лиза похожа на меня. Когда произошла авария, я просто не мог этого не заметить — что она похожа на меня. Я знаю, что это был какой-то несуразный бред, но я всё равно проверил всё. Тест ДНК оказался положительным.

— Она совсем непохожа на вас. Она похожа на моего дедушку.

Через несколько минут в дверь позвонили. Теперь в моей квартире целая толпа: три женщины и мужчина из органов опеки, адвокат и Роман, тот, который и утверждает, что он — отец моей Лизы.

Как мне в это поверить? Они давят на меня, обвиняют и грозят мне тюрьмой, если я буду препятствовать им забрать ребёнка и передать законному отцу.

— Поймите, София, вы можете навещать ребёнка. Я понимаю, что она к вам привыкла и без вашей помощи она не сможет привыкнуть ко мне, к родному отцу. Что вы сможете ей дать? А у меня огромные возможности. Вы ей никто.

— Я не отдам её! У меня все документы есть. Я её опекун. Она моя племянница, она дочь моей сестры. И это вы ей никто, — не уступала я.

— Ну, вам же уже всё объяснили и показали, что вы устроили тут? — цыкнула на меня женщина из опеки. Идиотка.

— Я вам уже сказала: ребёнок мой. Документы у меня есть. Это вы все чужие, а я нет! Я её с рождения воспитывала, растила. С чего вы решили, что я вам её отдам?

— София, вы не правы, — сказал адвокат Романа.

— А вы? Вы правы? — крикнула я.

— Правы и постараемся вам это доказать. Не хотите по-хорошему, будем действовать через суд. Но ребёнок с сегодняшнего дня будет проживать с родным отцом.

— Вот когда в суде докажете всё, тогда и говорите. Где решение суда? Нет его. Я просто так вам никого не отдам. Прошу вас покинуть мою квартиру и забыть сюда дорогу.

— Ну, в суд мы выйдем уже завтра, решится всё быстро и в вашу пользу, Роман Игоревич,
— елеиным голосом сказала расфуфыренная курица из опеки.

— София, подумайте над тем, что я вам сказал. Вы можете навещать девочку, никто не будет препятствовать, тем более ей это будет необходимо. Если вы будете себя так же вести, как сейчас, то я сделаю запрет на ваше посещение. Истерики мне не нужны, — сказал Роман и пошёл к двери. Гад! Ненавижу его. Хочу, чтобы он исчез, провалился сквозь землю, умер мучительной смертью. — Встретимся в суде. Надеюсь, что вы благоразумный человек и не станете совершать глупости и необдуманные поступки. Я помогу вам найти психотерапевта, который поможет вам справиться с этой непростой ситуацией, — сказал мне адвокат этого чудовища. Он вообще похож на робота — безэмоционального, холодного человека, робота в человеческой оболочке.

— Себе найдите и этому, вашему клиенту. Просто так я не сдамся.

Он мне ничего не ответил и тоже пошёл на выход.

Что это сейчас такое было? Я сплю? Как такое вообще возможно? Что мне делать? С чего начать? Отчаяние накрыло меня с головой и душит, не давая сделать вдох. Мне просто перекрыли кислород, я задыхаюсь от подступившего рыдания.

Я быстро собралась; мне нужно забрать Лизу и привести её домой.

Я не могла спать, я не могла.

На работе я попросила отпуск за свой счёт; я просто боюсь выходить на улицу; мне кажется, что у меня сразу же отберут мою девочку, как будто меня поджидают за каждым углом. Я много думала о том, что можно сделать. Можно скрыться. Но у меня нет денег на это; куда мне податься? А у этого гада они точно имеются; он найдёт меня везде, раз он поставил себе цель забрать у меня Лизу. Я не могу никак поверить и принять, что она не дочь моей сестры; мне кажется, что это просто какая-то криминальная схема. Узнали, что я одна её воспитываю, и решили у меня её отобрать.

А если всё так и есть? Если Лиза и правда его дочь и в роддоме произошла путаница, ведь такое бывает. Но ведь это платная клиника, и Маша не пожалела денег, думала, что там точно всё пройдёт гладко. Если разбираться в этом, то выходит, что моя племянница умерла при родах. Но как так можно перепутать? Они же знали, у кого родился мёртвый ребёнок, а у кого живой. Вообще ничего не понятно; чем больше я об этом думаю, тем дальше ухожу от реальности. Не может такого быть; ну, не может. Это точно какая-то ошибка или подстава. И

я наконец-то додумалась до того, что мне нужно пойти и тоже сделать тест ДНК с Лизой. Я должна сама убедиться в том, что она моя; другого варианта быть не может.

Я нашла, где можно сделать тест, и мы с Лизой поехали туда.

Я старалась вести себя спокойно, смеялась и играла с моей девочкой, не выдавала своей паники, но мне кажется, что она чувствовала моё притворство, и всё это превращалось в капризы. Когда у Лизы нет настроения, она плачет и зовёт маму, говорит, что сильно скучает и хочет её увидеть, а у меня в эти моменты сердце рвётся на клочки.

Мы уже садились ужинать, когда раздался звонок в дверь. Я знаю, что это кто-то из тех, кто хочет отобрать у меня Лизу. Я, пока шла до двери, чувствовала, как у меня упало давление и закружилась голова, так сильно я нервничала. Посмотрела в глазок и увидела там адвоката ненавистного мне человека.

— Добрый вечер. Прошу прощения за поздний визит, но хотел лично вручить вам повестку в суд, чтобы вы были осведомлены, — он протянул мне бумагу.

Я чувствую, что не могу больше стоять, ещё немного, и я просто свалюсь.

— София, вам плохо? — как сквозь вату доносился до меня его голос, а я уже оседала на пол.

Он поднял меня на руки и отнёс в комнату, положив на диван.

— Вы беременны? — спросил он меня.

— Нет. Я не беременна.

— Точно? Моя жена беременна, и у неё случаются обмороки, прям как у вас.

— Я не беременна. — повторила я.

— Может, скорую вызвать? С вами явно не всё в порядке.

— Да. Со мной не всё в порядке. У меня собираются украсть ребёнка. Смысл моей жизни. Определённо, со мной не всё в порядке.

— Я вас понимаю. Вся эта ситуация — настоящая трагедия, и её трудно принять и осознать. Здесь нельзя ничего поделать; вам нужно принять всё, чтобы сохранить возможность общаться с ребёнком, ведь Роман Игоревич не будет против.

— У вас всё? — спросила я и села.

— Соня, там уже всё остыло. Здравствуйте. — прибежала Лиза и села ко мне на диван, прижавшись, взяла меня за руку и рассматривала адвоката.

— Здравствуй, Лиза. — улыбнулся адвокат. — Завтра состоится слушание, в тринадцать тридцать дня. Скорее всего, будет одно заседание, решающее. Пожалуйста, не делайте глупости; лучше мирно обо всём договориться. Роман Игоревич не монстр; он точно пойдёт на уступки и прекрасно понимает, что вы привязаны к ребёнку. Я пойду, до завтра.

— Соня, а кто это? — громким шёпотом спросила меня Лиза. А я не знала, что ответить.

— Это с работы; приходил меня навестить. Идём есть, потом часик можешь посмотреть мультики и спать, завтра ты идёшь в сад.

— Ура! Так надоело сидеть дома. — радостно запрыгала по дивану Лиза.

Уложив её спать, я пошла на кухню тихо плакать. Мне кажется, я даже это чувствую, что сегодня последняя ночь, которую я проведу с Лизой.

В зале суда было много народу: органы опеки, адвокат, психолог и кто-то ещё.

Все мои доводы и документы не помогли ничем. Суд встал на сторону Романа. Ожидаемо. Ведь у него много денег; чёртвов богач.

— Вам всё понятно, София Михайловна? — спросил у меня судья после оглашения решения суда, которое было не в мою пользу.

— Конечно. Мне всё понятно: все куплены. Вы тут все продажные! Лизу я не отдам! Ясно вам! Она моя! Купленные уроды! Вас всех нужно сажать за решётку! Продажные твари! Вы все продажные; у кого больше денег, тот и прав! — слова проклятия лились из моего рта так же активно, как слёзы.

Из зала суда меня вывели в наручниках. Назначили мне арест на пятнадцать суток и штраф.

Я взаперти. Моя жизнь разрушена. Я всё время представляю, как забирают мою девочку, как она плачет и как ей страшно, а я не могу ничего сделать. Дура! Идиотка! Ну зачем я всё это говорила? Я ведь даже не подготовила её ни к чему, и теперь Лиза, моя малышка, моя любимая девочка, страдает.

Мне жить не хочется.

Спустя пять дней меня выпустили. Я пришла в пустую квартиру, раздавленная и полностью уничтоженная. Поставила телефон на зарядку и включила; посыпались сообщения. Работы у меня больше нет; меня уволили за прогул и за то, что я не отвечала на звонки. Лизы тоже нет.

Я легла на диван и просто лежала.

Так прошло два дня. Я выпила две бутылки коньяка и четыре бутылки вина; это всё было у Маши. Она сама никогда не пила; алкоголь просто стоял у неё в шкафу. Я тоже не пила никогда, только на праздниках и совсем немного.

Я зашла на почту и увидела письмо; это результат теста ДНК. Ноль процентов... ноль.

Слёз нет. У меня вообще нет больше эмоций. Я — оболочка от человека. Мне ничего больше не нужно, и я ничего больше не хочу.

Открыла новую бутылку и сделала несколько больших глотков. Мне стало легче; алкоголь притупляет моё сознание и потихоньку меня уничтожает. Хочу умереть. Лечь и не проснуться.

Опять звонят в дверь. Я кое-как дошла до неё; ноги меня не держат, и я не могу сфокусировать взгляд; всё плывёт и кружится. Я облокотилась о стену и решила переждать. Дверь открылась без моей помощи, и там стоял он — тот, кто разрушил мой мир.

— Пришел. Что на этот раз? Хочешь забрать мою квартиру? Забирай! — заплетающимся языком сказала я. — А может, за мной пришел? Обнаружил, что я твоя дочь? Сестра? Или вообще я твоя мать? Что надо тебе?

— Дверь нужно закрывать на замок. Ты выглядишь отвратительно, —сказал он.

— А мне не нужно закрывать, зачем? Мне теперь ничего не страшно. Ты чего пришел-то? Забыл что-то? Проходи, что в дверях стоишь, как не родной.

— Много выпила?

— Много, но у меня хороший запас. Тебе тоже хватит. Давай выпьем? Отметим такое радостное событие! Отец обрел дочь, уничтожив её опекуна.

Он вошел и закрыл дверь.

—Ты нужна Лизе. Она сильно скучает и плачет. У меня предложение к тебе есть. Ты можешь быть её няней, будешь проживать у меня и всегда будешь рядом с ней.

— Предлагаешь мне стать какой-то няней для ребенка, которого я растила с самого рождения? Стать какой-то чертовой няней?

— Это хороший вариант и для тебя, и для Лизы. Она должна чувствовать рядом близкого человека, чтобы привыкнуть. Она всё ещё маленькая и должна быстро адаптироваться, но без твоей помощи ей будет трудно.

— У меня есть предложение получше. Давай выпьем! Проходи, не стесняйся. Закуски у меня нет, но выпивки полно, — я пошла в комнату и села на диван, взяла бутылку и сделала ещё один глоток.

Жутко захотелось лечь, я на дне и я это осознаю. Легла и закрыла глаза, ощущения, что меня крутит и вертит, хотя я лежу на месте. Мне очень плохо. Пора заканчивать это всё. Я встала и подошла к окну, открыла его, свалив всё, что стояло на подоконнике, решительно забралась на подоконник и сделала выпад вперёд, шагая в вечность.

Но мне не дали. Под мои вялые сопротивления меня затолкали в ванну, и на меня обрушились холодные потоки воды. Я не сопротивляюсь, вообще всё равно, что со мной делают и что со мной будет дальше.

Помню, что сидела в комнате на диване или лежала. Меня тошнило, и кажется, даже рвало. Потом был кто-то ещё в моей квартире, что-то говорили, а что именно и кто был, я не помню. Это всё, что я помню, а потом настало утро. Я точно не дома.

Мне плохо.

Я провела в коме два дня. У меня было алкогольное отравление. Мне ещё больше хотелось умереть. Зачем он пришел тогда? Опять влез в мою судьбу и в мою жизнь. Он мешает мне и издевается, продлевая мои страдания.

Ненавижу его.

— София, выглядите уже гораздо лучше, — это мне говорит адвокат. Авдеев Андрей Юрьевич, его имя я узнала в суде и запомнила.

— Зачем вы пришли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.